

Цуй Ланьфан была так поражена, что не знала, что сказать. Лишь спустя долгое время она запинаясь спросила:

— Это правда?

Лю Гуюй усмехнулся, снова подцепил палочками кусок дважды обжаренной свинины и, не хвастаясь, честно сказал:

— Способ у меня есть, но я его ещё не пробовал, так что сам не знаю, правда это или нет. Тут уж всё зависит от того, осмелится ли матушка рискнуть!

Цуй Ланьфан шумно втянула воздух и, всё ещё в смятении, пробормотала:

— Небеса... Да кто ж слышал о таком! Вдвое больше... Это ж будет четыре-пять сотен цзиней! У кого поле может дать столько зерна? Будто землю золотом устлали!

Пробормотав это себе под нос, она снова посмотрела на Лю Гуюя и с любопытством спросила:

— Гуюй, а откуда ты этот способ знаешь?

— Опять... — она с трудом выдавила два слова, потом ещё долго мямлила, прежде чем наконец договорила: — ...опять в книгах твоего отца прочитал?

Стоило этим словам прозвучать, как Лю Гуюй ещё даже отреагировать не успел, а сидевший рядом Цинь Жунши уже тихо рассмеялся.

Лю Гуюй: «...»

На лице Лю Гуюя проступила неловкость. Видя восхищённый взгляд Цуй Ланьфан, он вдруг почувствовал себя немного неудобно, но другого подходящего объяснения всё равно не нашёл. Оставалось только деревянно кивнуть и глухо промычать:

— Угу.

Всего один звук, и Цинь Жунши рядом рассмеялся ещё сильнее. И вот тут случилось удивительное: Цуй Ланьфан, которая обычно во всём слушалась сына, сердито нахмурилась и бросила на него строгий взгляд.

— Чего смеёшься!

— Ты ведь тоже с малых лет книги читал! Почему же ты такого не выучил? И это ещё туншен

называется!

Вот теперь стало ещё лучше: Цинь Жунши смеяться перестал, но улыбка никуда не исчезла, она просто переместилась на лицо Лю Гуюя. Увидев, как Цинь Жунши редкий раз оказался в неловком положении, Лю Гуюй не удержался и, прикрыв рот, украдкой рассмеялся. Во рту у него ещё был жирный, блестящий кусочек дважды обжаренной свинины, щёки от еды раздулись, и он походил на бурундука, который удачно стащил лакомство и теперь тайком радуется.

Цинь Баньбань, опустив голову, сосредоточенно ела мясо и даже не расслышала, о чём они говорили. Только когда услышала смех старшего брата, а следом рассмеялся и брат Лю, она наконец подняла голову, растерянно посмотрела на всех и тоже расплылась в улыбке.

Не знает, над чем смеются, но сначала посмеяться, там разберёмся.

Цуй Ланьфан развеселили дети, и голос её тоже стал легче. Она кивнула и сказала:

— Ну и ладно. Тогда попробуем!

Вернувшись к делу, Лю Гуюй стал чуть серьёзнее и предложил:

— У нас дома два му земли. Следующей весной сначала попробуем на одном му. А второе засеём по-старому. Даже если не выйдет, у нас хотя бы останется урожай с одного му, будет что есть. Не так уж сильно проиграем!

Лю Гуюй был не из тех, кто сломя голову бросается вперёд. Современных способов удобрять землю было много, домашних удобрений - тоже немало, но Лю Гуюй всё-таки знал всё это лишь в теории и не был настолько самоуверен, чтобы считать, будто у него точно всё получится. У него уже был расчёт в голове; когда он высказал его, все домашние согласно закивали, и никто не сказал ни слова против.

После ужина они убрали со стола и вымыли посуду. Снаружи, за двором, донёсся шум: похоже, вернулись Линь Синь-нян и Ло Майэр.

Майэр, едва вернувшись домой, обнаружила, что их большая собака родила щенков, и тут же радостно закричала и выбежала за ворота.

— Баньбань! Баньбань! Наша А-Хуан оценилась! Скорее иди посмотреть!

Теперь две семьи стали куда ближе, чем прежде, а две девочки были почти одного возраста, часто играли вместе и очень дружили. Цуй Ланьфан тоже радовалась, что у дочери появилась хорошая подруга. Характер у Баньбань был слишком замкнутый, прежде в деревне у неё не было девочек, с которыми она могла бы играть, и Цуй Ланьфан из-за этого тревожилась.

Линь Синь-нян тоже стояла у ворот и говорила:

— Наконец-то родила! Баньбань, иди скорее посмотри, выбери, какой щенок тебе нравится! Ты первая выбирай, я его для тебя оставлю!

Баньбань явно захотелось. Она подняла на Цуй Ланьфан сияющие глаза, но ничего не сказала, только попыталась тронуть мать жалобным взглядом. Цуй Ланьфан тихо рассмеялась, ласково погладила Цинь Баньбань по голове и мягко сказала:

— Иди.

Цинь Баньбань тут же улыбнулась, с силой кивнула, взяла Ло Майэр за руку, и две девочки, словно бабочки, порхнули наружу. Вскоре за домом раздался звонкий девичий смех.

Едва миновал месяц выдачи тёплой одежды, как снова пришло время надевать меха*.

(ПП: Это строка из стихотворения Лу Юя , великого поэта эпохи Южная Сун. Полное название стихотворения «Лидун жи цзо» - «Сотворённое в день начала зимы». Лу Ю описывает в нём резкую смену погоды и свои ощущения от наступивших холодов.)

Осенью дважды прошли дожди, и погода быстро стала холоднее. Даже горы, окружавшие половину деревни, уже не были зелёными: их словно покрыл слой старческой жухлой желтизны, а многие деревья сбросили листья.

Лю Гуюй уже некоторое время торговал на Восточном рынке, и дело постепенно стало стабильным. В дни большой ярмарки он мог заработать больше пятисот вэней, в обычные дни тоже выходило около трёхсот. За это время он ещё придумал несколько новых лакомств и носил их продавать; всё расходилось неплохо.

Сегодня был не рыночный день, но вся семья отправилась в Фушуй - покупать ткань на зимнюю одежду. Осеннюю одежду, хоть она и была старой, ещё можно было носить, но зима уже подступала. Сейчас ещё можно было кое-как продержаться, однако через полмесяца с лишним станет ещё холоднее, а в самую глубокую зиму в горах даже пойдёт снег.

В доме у них были ватные куртки, но вата в них была старая, многолетняя: сбилась в тяжёлые комья, и такая одежда только прибавляла веса, почти не согревая. Поэтому Лю Гуюй и повёл всю семью в городок покупать ткань для новой одежды.

Они вошли в самый большой магазин тканей в Фушуйе - магазин семьи Се.

Магазин был просторный: слева висела готовая одежда, справа лежали ткани. Даже многие зажиточные семьи городка приходили сюда выбирать наряды.

Все четверо были одеты просто. На одежде Цуй Ланьфан даже виднелись заплатки; с первого взгляда было понятно, что семья живёт небогато. Но продавец в магазине не стал смотреть на них свысока. Он всё так же радушно улыбнулся и вышел навстречу, вежливо спросив:

— Уважаемые гости, одежду смотрите или ткань?

Недаром этот магазин стал крупнейшим в городке: обслуживание здесь было хорошим. На людей не смотрели ни с пренебрежением, ни с жалостью; ко всем покупателям относились одинаково, не заставляя чувствовать себя неловко.

Лю Гуюй тоже улыбнулся и ответил:

— Ткань посмотрим.

Цуй Ланьфан рядом кивнула. Цинь Жунши молчал, а вот Цинь Баньбань, едва войдя, принялась оглядываться по сторонам. Увидев красивые платья, развешанные на деревянных стойках, ее глаза сразу засияли. Впрочем, неудивительно: какая девочка не любит красивые наряды?

Но она была послушной и ничего не сказала, только украдкой смотрела на них. Лю Гуюй, ответив продавцу, обернулся и заметил взгляд девочки. Он похлопал её по руке и сказал:

— Иди посмотри. Просто посмотреть денег не стоит.

Продавец услышал это и тоже повернулся к Цинь Баньбань с улыбкой. Он радушно сказал:

— Девочка, смотри сколько угодно. Понравится что-нибудь, позови, тебе снимут примерить!

По одежде продавец примерно понимал, из какой семьи покупателя, и знал, что эти люди, скорее всего, не станут тратить на готовое платье. Но сегодня беден, завтра богат, кто знает, не разбогатеет ли их семья в будущем? Клиента в любом случае надо удержать. Именно это хозяин магазина не раз и не два внушал своим работникам.

Услышав его слова, Цинь Баньбань покраснела даже ушами и замотала головой, словно барабанчик-погремушка.

— Не надо, не надо!!!

Но продавец всё равно подозвал молодую продавщицу и попросил её отвести Цинь Баньбань

посмотреть одежду. Одежду в магазине ведь для того и выставляли, чтобы её смотрели. Лю Гуюй не видел в этом ничего неправильного. Он тоже улыбнулся и легонько подтолкнул Баньбань, чтобы она шла посмотреть.

Сейчас купить не могут, но кто сказал, что не смогут потом?

Цинь Баньбань на словах отказывалась, но лишь потому, что была робкой. На самом деле красивые наряды ей были очень любопытны. После уговоров Лю Гуюя она ещё больше загорелась, глаза её засияли, и она пошла за молодой продавщицей.

Цинь Жунши посмотрел на Лю Гуюя, потом на Цинь Баньбань. К новой одежде он был равнодушен: лишь бы носить можно было. Поэтому выбор ткани он полностью оставил Цуй Ланьфан и Лю Гуюю. Но отпускать Цинь Баньбань одну ему было беспокойно, и он тихо сказал:

— Я пойду посмотрю.

Лю Гуюй кивнул, соглашаясь, а сам потянул Цуй Ланьфан выбирать ткань.

Продавец оказался очень понятливым. Он провёл их мимо шёлка, хлопка и тонких дорогих тканей к полкам с холстом.

Он радушно сказал:

— Здесь две новые партии льняного полотна: тонкое и грубое. Посмотрите?

Продавец выбрал сравнительно недорогую ткань в магазине, но в его голосе не было ни капли пренебрежения, он оставался таким же приветливым.

Цуй Ланьфан потрогала ткань. Грубое полотно было шероховатым, на ощупь довольно жёстким. Тонкое же было соткано плотно и казалось куда мягче.

Оба вида льняного полотна были землисто-жёлтого цвета, должно быть, некрашенные, естественного оттенка, зато немаркие.

Цуй Ланьфан осталась вполне довольна и, кивая, спросила:

— Сколько стоит?

Продавец улыбнулся и ответил:

— Грубое полотно - сто тридцать вэней за рулон, тонкое - сто восемьдесят вэней за рулон.

Грубое льняное полотно, конечно, жестковато, зато летом в нём прохладно! Летом грузчики с пристани любят покупать у нас именно грубое полотно - носить его свежо, оно хорошо пропускает воздух. Но раз вы покупаете сейчас, наверное, хотите шить зимнюю одежду. Тогда тонкое полотно будет теплее, только оно быстрее мнётся.

— Оба вида некрашенные, поэтому на тридцать вэней дешевле, чем другое льняное полотно такого же качества. Зато немаркие, и для работы в поле или по дому подойдут без проблем!

Лю Гуюй не умел выбирать ткань, так что это дело, конечно, пришлось оставить Цуй Ланьфан. Он лишь стоял рядом и потихоньку слушал. Услышав это, он невольно приподнял брови и мысленно похвалил продавца: хорош, и магазин хороший. Разбогатею - ещё сюда приду.

Цуй Ланьфан прикинула цену и наконец указала на тонкое льняное полотно:

— Этого две штуки. Теперь ещё посмотрим хлопок.

Продавец заулыбался ещё шире и поспешно повёл их смотреть хлопок. По дороге он говорил:

— Хлопка у нас тоже немало! Дешёвый по пятьдесят вэней за цзинь, дорогой бывает и по триста вэней за цзинь. Я покажу вам всё.

Они посмотрели и хлопок. В конце концов выбрали тот, что стоил шестьдесят пять вэней за цзинь, и взяли три цзиня. В семье было четверо человек; каждому нужно сшить по две зимние одежды на смену, и трёх цзиней хлопка как раз хватало впритык. Впрочем, Цуй Ланьфан вовсе не собиралась шить каждому по две новые одежды. Двух рулонов ткани хватило бы только на один комплект на человека. Второй же она намеревалась сделать иначе: распороть старую одежду и заменить внутри вату на новую. Так этот зимний сезон тоже можно будет пережить.

Лю Гуюй возражать не стал. При их нынешнем положении и правда не стоило пускать пыль в глаза: деньги следовало тратить с умом, на самое нужное. Одежда - лишь бы грела.

Два рулона ткани и три цзиня хлопка вместе выходили в пятьсот пятьдесят пять вэней. Продавец по собственной инициативе сбросил мелочь, а видя, что они купили много, ещё любезно подарил несколько лоскутков и нитки с иголками, сказав, что девочке можно будет сделать пару цветков для волос.

Когда всё было куплено, Лю Гуюй уже собирался позвать Цинь Жунши и его сестру, но не успел открыть рот, как вдруг услышал с той стороны шум. Он и Цуй Ланьфан поспешно обернулись и увидели, что Цинь Жунши с холодным лицом заслонил собой Цинь Баньбань. У девочки уже покраснели глаза - видно, её только что обидели.

Напротив них стояла женщина в жёлтой юбке и накидке на плечах. Наряжена она была миловидно, но вид имела до крайности заносчивый и смотрела на людей свысока. Молодая

продавщица стояла между ними с таким выражением лица, будто вот-вот расплачется. Она то кланялась с извинениями в одну сторону, то в другую, совершенно не зная, что делать.

— Ай-я, что тут случилось?!

Продавец, который обслуживал Цуй Ланьфан и Лю Гуюя, хлопнул себя по лбу, поспешно бросил им виноватый взгляд и кинулся туда.

Лю Гуюй с Цуй Ланьфан тоже забеспокоились и быстро подошли следом. Цуй Ланьфан обняла Баньбань, а потом хотела потянуть Цинь Жунши к себе за спину, но не смогла сдвинуть его с места.

И тут женщина, стоявшая напротив, пошевелилась. Она с отвращением отступила на два шага и зажала нос и рот платком, будто от Лю Гуюя и остальных исходил какой-то смрад.

□

— Фу... грязь! Да как сюда вообще кого попало пускают? Она что, может позволить себе такое платье? Она ещё и трогала его! Кто знает, нет ли у неё на руках грязи? Если испачкает юбку, кто потом захочет её примерять?!

Цинь Жунши помрачнел и холодно сказал:

— Моей младшей сестре сколько лет? Она смотрела одежду своего размера. Вы выше неё на целую голову. Неужели тоже можете примерить это платье?

Женщина на миг поперхнулась ответом, пробормотала что-то невнятное, потом снова выпучила глаза:

— Я... я не себе покупаю... я для младшей сестры смотрю, нельзя разве?! Гляньте только на свой нищенский вид! Вы вообще можете это купить? Не можете ^ так и не смотрите! И не трогайте своими грязными руками!

Продавец, выслушав их, примерно понял, что произошло, и с улыбкой поспешил сгладить дело:

— Госпожа, в нашем магазине нет такого правила, чтобы гостям запрещали смотреть одежду. Вы можете смотреть, и они, естественно, тоже могут. Покупка одежды - радостное дело, зачем же портить настроение? Может, я проведу вас туда? Сегодня как раз привезли новые наряды: один водянисто-красный, другой нежно-голубой, они как раз подчеркнут цвет лица госпожи!

Все они были покупателями, и он, конечно, не хотел обидеть ни одну сторону, поэтому говорил очень осторожно. Но женщина не собиралась отступить. Она ткнула пальцем в Цинь Баньбань,

которую Цинь Жунши заслонял собой, и крикнула:

— Хотите, чтобы я продолжила смотреть, так выгоните их отсюда! Я... моя рука! Моя рука!

Она только успела высокомерно выкрикнуть фразу, как в следующий миг вскрикнула от боли: Лю Гуюй схватил её за палец и с силой отогнул его.

— Отпусти! Отпусти! Вы, нищие оборванцы, деревенские грязноногие, как вы смеете?! А-а-а, больно!

Голос у женщины был пронзительный и тонкий, от него закладывало уши. В этот момент из задней комнаты, отдернув тканевую занавеску, вышел юноша в лунно-белой парчовой одежде. Лицо у него исказилось, и он рявкнул:

— Что за шум?!

Услышав его голос, продавец тут же подбежал к нему и тихо позвал:

— Молодой хозяин!

Лю Гуюй тоже услышал движение и отпустил руку. Женщина поспешно прижала руку к себе и, рыдая, завопила:

— Чего вы стоите?! Выгоните этого невоспитанного деревенского гэра! В этом месте либо он, либо я!

□□

<http://bllate.org/book/17177/1641940>